

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

УДК 316.422

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: КАК ДОВЕРИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ БЕЗОПАСНОСТЬ¹

М.И. Черепанова, С.Г. Максимова, С.А. Сарыглар

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: cher_67@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru, sildisma93@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)2-08

Научная значимость исследования проблем безопасности в региональных социумах обусловлена необходимостью изучения ее актуальных компонентов. Такой комплексный показатель, как социальный капитал, включает базовые индикаторы функционирования гражданского общества: социальную ответственность, активность, гражданскую инициативность и пр. Сформированный в обществе социальный капитал индуцирует генерализированное, т.е. обобщенное доверие. При этом институциональное доверие способствует легитимации правовых и политических институтов. Целью представленной статьи является описание социального механизма взаимного индуцирования компонентов социального капитала и обобщенного доверия, формирующих ощущение безопасности проживания в регионе. В работе обобщены экспертные оценки, свидетельствующие о гетерогенности институциональных си-

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 19-011-00417 Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России

стем, являющиеся индикаторами низкой согласованности социального порядка и формирующие низкий уровень доверия и соответственно безопасности в Алтайском крае. Сделаны выводы о том, что для современного российского общества, как и для его регионов, крайне значима проблема регенерации генерализованного доверия как социального фона для оптимизации постиндустриальных трансформаций. Среди факторов восстановления социального доверия необходимо отметить повышение стабильности активной роли социальных институтов, воспроизводство духовных ценностей, таких как общее благо, межэтническая толерантность, социальная справедливость и пр.

Ключевые слова: генерализованное доверие, институциональное доверие, межличностное доверие, социальная безопасность, социальное доверие, социальный капитал

SOCIAL CAPITAL OF THE ALTAI TERRITORY: HOW TRUST DETERMINES SECURITY

M.I. Cherepanova, S.G. Maximova, S.A. Saryglar

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: cher_67@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru, sildisma93@mail.ru*

The scientific significance of studying security problems in regional societies is determined by the need to reveal its actual components. Such complex indicator as social capital includes basic indicators of the functioning of civil society: social responsibility, activity, civic initiative, etc. The social capital formed in society induces generalized trust. At the same time, institutional trust contributes to the legitimization of legal and political institutions. The purpose of this article is to describe the social mechanism of interdependence of components of social capital and generalized trust that form a sense of security in the region. The article summarizes expert assessments that indicate heterogeneity of institutional systems, which are indicators of low coherence of the social order and form a low level of trust and, consequently, security in the Altai territory. It is concluded that for modern Russian society, as well as for its regions, the problem of regenerating generalized trust as a social background for optimizing post-industrial transformations is extremely significant. Stability of the active role of social institutions, the reproduction of spiritual values, such as the common good, inter-ethnic tolerance, social justice are among most important factors restoring social trust.

Key words: generalized trust, institutional trust, interpersonal trust, social security, social trust, social capital

Введение

Анализ современных социологических и политологических исследований на современном этапе общественного развития российского социума характери-

зуются плюрализмом мнений относительно демократических свобод. Ученые констатируют отсутствие единства в диалоге между социальными акторами и властью. Данное положение обусловлено неравными возможностями в реализации государственных властных полномочий. Низкая интегрированность общественности и власти минимизирует гражданскую активность или снижает ее эффективность. Кроме того, специфика современных политических процессов заключается в отсутствии эффективных механизмов интеграции между партиями и субъектами гражданского общества. Политологи утверждают, что исторические особенности нашего государства и характерные черты политического процесса современной России существенно затрудняют повышение уровня гражданской активности, а значит, и развитие институтов гражданского общества (Калягина, 2012). Гражданская активность населения является системным феноменом, включает в себя такие значимые компоненты, как социальная ответственность, готовность к социальной солидарности, степень участия в НКО и пр.

Вместе с тем прикладной характер изучения социальной ответственности призван выявить общие и специальные проявления данного явления, анализ взаимообусловленности объективных условий и субъективных компонентов ее реализации в современном российском обществе. Сущность социальной ответственности в научном дискурсе заключается в преодолении индивидуализма и реализации прасоциального поведения, включающего сострадание, бескорыстие и альтруизм. В основе социальной ответственности должны лежать потребности граждан в общественном благополучии. Распространение успешных социальных практик, характеризующихся высоким уровнем ответственности, способствует увеличению готовности граждан к проявлению заботы и помощи другим в обществе. Сущность социальной ответственности заключается в осознании актором результатов своей деятельности для других людей и социума в целом, направленности на реализацию социальных ожиданий и заботу о других. Особенностью социальной ответственности является инициативность граждан, побуждаемая внутренними мотивами соучастия в социально значимых делах. Социальная ответственность носит характер субъектной прескрипции (Белов, 2011). Социальный механизм ответственного поведения включает субъектный, личностный и поведенческий уровень. Субъектный уровень включает цели и мотивы, оценку последствий принимаемых решений. Личностный уровень активизирует смыслы социальной инициативности, проявление добровольности в реализации социально значимых мероприятий. Ответственное поведение является высшим проявлением ориентации на общественное благо в разных сферах человеческой деятельности.

Проблема исследования социального капитала общества связана с феноменом доверия.

Доверие, в широком смысле, считается одним из базовых показателей стабильности общества. Исследование социального доверия включено в научное наследие практически любого известного социолога. Например, вклад М. Вебера в изучение данной проблемы заключается в идее «формальной рациональности» как базы правового общества в преодолении значимых социальных вызовов.

Современные концепции доверия актуально проанализировать в контексте теорий общества риска, а также с учетом структурно-функционального и неэволюционного подходов. Сущность последнего подхода заключается в анализе социального доверия как конструкта социального порядка функционирования социального института, а также повседневных интеракций в условиях высокой конфликтогенности (Магомедов, 2009).

В рамках неинституционального подхода социальное доверие рассматривается как результат взаимодействия социальной реципрокальности и чувства контроля (Хардин, Нахоко, Уолкер, Ямагиши, 2016). Другие представители неинституционализма актуализируют социальную репутацию и ее роль в социальном доверии.

Согласно представлению Ф. Фукуямы, доверие — это ожидание предсказуемости поведения других в соответствии с принятыми в обществе нормами (Фукуяма, 2004). Как полагал А. Селигман, отсутствие доверия не способно обеспечить длительную перспективу власти и социального порядка в любой стране мира (Селигман, 2005).

Существует множество современных теорий доверия. Например, отечественные исследователи считают генерализованное доверие функцией межличностного доверия на субъектном уровне и индикатором социального капитала и оптимального социального климата в обществе. Данный подход актуализирует макроуровень анализа этого феномена. В контексте социальной психологии обобщенное доверие — это результат установок индивида относительно готовности оказать доверие в межличностном общении. Отечественные социальные психологи находят аналогию между доверием и убеждением или считают его проявлением эмоциональности человека. В другом контексте подчеркивается его неопределенная суть, однако обладающая значительной мощностью (Бахтина, 2011). Согласно социально-психологической концепции Байера, доверие — это изначально присущая человеку вера в добрую волю других людей. Сущность современных социально-психологических подходов к анализу социального доверия заключается в редукции данного явления к персонализированному эмоционально-психологическому состоянию.

Во второй половине XX в. активизировалось политологическое направление исследования социального доверия. Особый вклад внесла компаративная транзитология, а также глобалистика в контексте постмодернизационного развития мира. В это же время получила развитие идея конструирования социального доверия как макроисторического феномена современности.

Доверие в контексте общества риска изучали Б. Барбер, Э. Гидденс, Н. Луман, А. Селигман, С. Айзенштадт, Ф. Фукуяма, П. Штомпка и др. В данном контексте это не только реакция на неопределенность и риск, но и условие минимизации и нейтрализации опасности. В понимании Э. Гидденса безопасность является конструктом баланса доверия и приемлемого риска (Гидденс, 2008). Ученый выделял персонализированное доверие к людям и доверие к абстрактным системам, к которым можно отнести символические знаки (например, деньги как инструмент обмена, средства политической легитимации) и экспертные системы, организующие наше

материальное и социальное окружение (Гидденс, 2006). Как отмечают исследователи, социальная природа доверия значительно меняется в условиях глобального общества риска. По мнению Э. Гидденса, доверие формируется как конструктивная реакция на риск (Гидденс, 2012).

Доверие конструирует своеобразные конфигурации, горизонтальные и вертикальные социальные связи, формирует чувство групповой идентичности, сопричастности к обществу, определяет характер солидарности и сотрудничества.

Современные ученые солидарны в том, что доверие является системообразующим фактором социального капитала (Бурдые, 1998, Лоури, 2000, Коулмен, 2003, Патнем, 2008, Фукуяма, 2012). Если человеческий капитал включает совокупность способностей, знаний, навыков, коммуникативный потенциал и используется в личных целях, то социальный капитал существует прежде всего для построения оптимальных общественных отношений. Согласно представлениям Р. Патнема, социальный капитал способен повысить оптимальность общества за счет увеличения координации совместных действий.

Несмотря на обилие подходов к изучению социального доверия, все они характеризуются наличием методологических противоречий в анализе сущности данного феномена и особенностей его современной трансформации. Выделяют два концепта в изучении доверия. Первый из них рассматривает данный феномен как институт традиционного общества, который регулирует совокупность межличностных интеракций. Второй подход считает доверие итогом постиндустриального общества, а также условием оптимального социально-экономического развития безопасного социума.

Доверие связано с проблемами самопрезентации и самопредставления индивида в условиях деятельности в социальной группе. Это точка пересечения вероятности личности вести себя в соответствии с ожиданиями и общественными нормами.

В контексте нарастающего плюрализма современного общества доверие упорядочивает, регулирует социальное и культурное разнообразие. Именно этим объясняется в современной России рост и распространенность взаимодоверия, рост групповой солидарности и отношений в контексте этничности, религии, пола, общности взглядов на разные аспекты повседневности.

В сегодняшнем мире реализация доверия усложняется такими обстоятельствами, как постоянные угрозы войны, террористических актов, экологических катастроф. С другой стороны, углубляется структурная и ролевая дифференциация, возрастание сложностей общественных связей, плюрализм социальных ролей и пр. По данным исследований, снижение социального доверия в обществе является индикатором роста социальной напряженности, массовой эмиграции, утечки мозгов, бегства капиталов и пр. (Иванов, 2015). Кроме того, низкая культура доверия в контексте вертикального вектора проявляется в росте абсентеизма, минимизации поддержки социальных институтов, низкой удовлетворенности экономической и социальной политикой. Данные социальные условия приводят в обществе к расширению так называемой «серой зоны» (Заболотная, 2015).

В то же время горизонтальное доверие является базовой основой сопричастности индивидуума и отдельных социальных групп. Институциональное доверие детерминирует деятельность сложных социальных систем в процессе глобализации и модернизации. В частности, механизм формирования институционального доверия отражает специфику организации жизнедеятельности, восприятия и регуляции взаимоотношений личности и общества. Подобная ситуация характерна для современной России — как исторический результат административного насилия и вынужденной адаптации к мобилизационной системе институтов.

Большинство современных исследователей свидетельствуют о фундаментальной взаимосвязи между доверием и уровнем развития демократических институтов. Генерализованное, или обобщенное, доверие является основой демократизации общества, коррелирует с высоким уровнем образования. Обратное пропорционально социальному расслоению и росту уровня бедности. Кроме того, обобщенное доверие часто фиксируют на фоне увеличения продолжительности жизни и реализации в обществе гуманистических ценностей.

Выделяют различные факторы, формирующие доверие. Так, индивидуальное доверие часто базируется на оптимизме, самоконтроле и готовности к сотрудничеству с другими в процессе межличностных интеракций (Эриксон, Олпорт, Кеттел). Доверие может расти на фоне увеличения доходов, повышения социального статуса и удовлетворенности базовыми аспектами жизни. Рост счастья и снижение тревоги также могут взаимообуславливаться ростом доверия.

Социальные теории доверия свидетельствуют о его взаимосвязи с ростом социальных конфликтов и являются индикаторами удовлетворенности функционированием политических институтов, демократических свобод и безопасности жизнедеятельности обществе (Maksimova, Surtaeva, & Cherepanova, 2019).

Например, при высоком уровне генерализованного доверия в обществе формируется легитимная поддержка государства, воспроизводящая соответствующий уровень доверия.

При высоком уровне межличностного доверия и низком уровне доверия социальным институтам неформальные связи играют стабилизирующую роль в неэффективной в целом системе общественного управления. Снижение горизонтального доверия при росте вертикального доверия является, как правило, индикатором низкой эффективности гражданского общества. И наконец, низкий уровень всех видов доверия свидетельствует о глубоком системном кризисе власти, отсутствии необходимой координации всех социальных акторов.

Согласно мнению П. Штомпки, культура доверия является функцией демократической системы правления (Штомпка, 2012). Как указывает автор, демократия использует институционализацию недоверия. Автократия стремится к непосредственной институционализации доверия и превращает его в требование, «отягощенное серьезными формальными санкциями» (Штомпка, 2012). Для подобного общества характерна делегитимация, которая деморализует членов общества и стимулирует индивидуализм и рост девиаций. Данный феномен, в частности, характерен для трансформирующихся постсоветских обществ.

Как свидетельствуют ученые, транзитивность обществ, «дефектность демократий», падение горизонтального и вертикального доверия коррелирует со значительной социальной поляризацией и высоким конфликтогенным потенциалом социума (Иванов, Данилов, 2015).

В современном российском обществе, как, впрочем, и во всем мире, происходит «эрозия» онтологической безопасности (Бауман, Бек, Гидденс, Хабермаси др.). Рост опасностей и неопределенностей современного общества формируют кризисность и транзитивность общественной жизни, иррациональность и размывание границ научного и обыденного познания.

Рутинизация, как один из механизмов снижения неопределенности современного мира, связана с непрерывностью мира, а также целостностью и автономностью личностной самоидентичности.

Современный непредсказуемый мир нарушает рутинную основу бытия и является основой психологической напряженности, страха. Приводит к реконструкции личности. Как пишет Э. Гидденс, рутинизация обыденной жизни подвергается испытанию. Институциональный порядок лежит в основе доверия к социальным институтам. Современными исследователями выявлена связь между институциональным доверием и уровнем страха и тревоги в условиях жизнедеятельности в обществе. С другой стороны, доверие всегда реализуется в условиях риска и неопределенности, и даже наличие институционального порядка не гарантирует полного отсутствия опасностей и угроз (Штомпка, 2012). Следовательно, тревожные состояния, негативные социальные настроения значительных социальных групп населения свидетельствуют об объективных опасностях, являющихся основой низкого доверия и онтологической безопасности.

Таким образом, перманентная кризисность социальных институтов, транзитивность общественной жизни деформирует рутинную повседневность, снижая генерализированное доверие в целом. Дестабилизация социальных отношений нарушает воспроизводство безопасных практик, способствует росту подозрительности, недоверия, тревожного ожидания и пр. Снижение защитной функции социальных институтов активизирует рост неопределенности в обыденной жизни. С другой стороны, относительная стабильность функционирования институтов общества будет лежать в основе доверия в предсказуемость в определенную безопасность жизни.

Тем не менее, как показал в своих исследованиях А.И. Пригожин, в любой социальной системе существуют факторы, разрушающие обратимость и непрерывность повседневного бытия. Таков один из объективных механизмов снижения генерализованного доверия, который препятствует минимизации неформальных каналов социального взаимодействия. Кроме того, на фоне распространения консервативной бюрократической иерархической системы будут расти страхи, недоверие и агрессия в обществе.

Несмотря на относительную автономность повседневного бытия человека, институциональная дисфункциональность расшатывает границы онтологической безопасности, реконструирует базовое доверие личности к окружающему миру. Исследователи выделяют дифференцированные условия и факторы снижения ин-

ституционального доверия. Одним из базовых условий являются постоянные социальные изменения. С другой стороны, наличие психологического консерватизма тормозит готовность к постоянным изменениям и мобильности. Современный человек сталкивается с тотальным непостоянством, его чувство стабильности и уверенности в завтрашнем дне подвергается постоянным испытаниям. В частности, он непрерывно должен вписываться в незнакомые для него форматы повседневной жизни, которая принимает его как «постоянного мигранта».

В условиях социальных кризисов у современных людей формируется когнитивный диссонанс, когда ожидания от социума не соответствуют реалиям. В этом случае большинство граждан сталкиваются с ситуацией вынужденного доверия. Например, человек вынужден доверять социальным институтам, ощущая невозможность влияния на их деятельность и таким образом ощущая свою беспомощность перед их произволом и последствиями дисфункций. Кроме того, рост бюрократизации социальных институтов способствует росту тотального отчуждения человека. В этом случае социальному актору не всегда четко видны конечные результаты его деятельности. Современный научно-технический прогресс не способен нейтрализовать все зоны иррациональности человеческой жизни. В таком обществе иррациональность становится частью повседневной жизни.

Иррациональность может иметь социокультурную специфику. Например, традиционно русские люди отличаются иррациональным отношением к своему здоровью, демонстрируют низкую ценность жизни.

Значимым объективным фактором, снижающим доверие к окружающей действительности, является ограниченный характер научного и обыденного познания, особенно в эпоху информационной революции. Беспрецедентный рост объемов информации делает невозможным рациональное предсказание глобальных явлений, таких как экологические катастрофы, ГМО и пр. Современный человек не способен вовремя освоить огромные объемы информации, что также снижает его базовое доверие к миру. Незнание основ и последствий глобальных событий снижает доверие к соответствующим социальным институтам. С другой стороны, в данных условиях растет значимость экспертного знания.

Заканчивая обзор факторов, формирующих базовый уровень доверия, необходимо резюмировать, что существуют объективные глобальные условия его формирования, такие как спонтанность стихийных процессов, они характерны для любой сложной социальной системы.

Тем не менее оптимальные институциональные механизмы регуляции социальной жизни способны минимизировать чувство опасности и риска, явиться основой стабильности и роста доверия и онтологической безопасности. Разрешение кризисных проявлений на разных этапах развития общества способно минимизировать иррациональные проявления страха и тревожности, повысить горизонтальное и вертикальное доверие в любом обществе. Функционирование современного общества немислимо без абстрактных систем, поэтому проблема доверия к ним приобретает жизненно важное значение.

В контексте интенциональных моделей социальное доверие определяется политическими интенциями, или предпочтениями. В контексте конфликтологии считается, что при свержении авторитарных режимов создается определенный социальный вакуум и снижается доверие между элитами общества. Социальное доверие является функцией сетевого капитала на макроуровне, соединенном множеством отдельных «мостов» и «дистанций» (Магомедов, 2009).

В контексте теорий социальных действий и группового поведения доверие считается социальным капиталом, действующим вне правительства. В антропологическом концепте социальное доверие является институтом стабилизации и мобилизации межэтнических и межконфессиональных отношений. В частности, значимость подобных явлений нарастает в контексте формирования миграционных и диаспорных сетей. Следовательно, существует определенная динамика доверия и социальной регенерации в этнополитических отношениях и особенно в конфликтах.

Описанные нами выше компоненты социальной активности и ответственности являются индикаторами реализации гражданского общества в том или ином регионе и нуждаются в постоянном мониторинге. В связи с этим представим результаты экспертного опроса в процессе исследования условий и факторов социального доверия и безопасности жизнедеятельности в контексте социологического исследования, проведенного в Алтайском крае.

Методы

Исследование факторов и механизмов формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России проводилось в Алтайском крае (2018–2019 гг.), многоступенчатая стратифицированная выборка, $n=1200$, возраст опрошенных — 18–70 лет. Социальная безопасность, обобщенное доверие, другие базовые компоненты социального капитала измерялось на основе классических шкал и вопросов анкеты. Был проведен первичный анализ описательных статистик.

Результаты

Экспертное сообщество достаточно амбивалентно оценивает общественную и гражданскую активность жителей края. Каждый третий эксперт (32,7 %), отмечает выраженность данного качества на низком уровне. Несмотря на то что мнение других дифференцировано, примерно каждый десятый эксперт оценивает данные проявления более высоко. В совокупности около половины экспертов оценили выраженность гражданской и общественной активности на среднем уровне. Необходимо отметить, что мнение экспертов относительно гражданской активности гораздо оптимистичней, чем оценка населением эффективности данного направления, что свидетельствует о некоторой несогласованности мнений представителей власти и самой общественности. Выраженность социальной ответственности жителей в регионе эксперты оценили относительно позитивно. Каждый четвертый специалист отметил реализацию данного качества на низком уровне. Примерно столько же — на среднем и выше среднего. В совокупности более половины экспертов оценили социальную ответственность достаточно позитивно.

Гражданская солидарность представлена в регионе в средней степени. Практически каждый второй эксперт акцентирует выраженность гражданской солидарности. Мнения других экспертов достаточно равномерно распределились по всем оценкам, что свидетельствует об отсутствии единства в оценке данного важного аспекта.

Воспроизводственная функция социальной солидарности заключается в интегрированности разнообразных социальных систем с дифференцированным уровнем иерархии. Степень социальной солидарности является индикатором благоприятных прогнозов функционирования любой социальной системы, ее согласованности и целостности. Следовательно, дисфункции солидарности угрожают интеграции и свидетельствуют о кризисе генерализованного доверия. Анализ проблем социальной солидарности, актуализирует силу правящей в стране группы в воспроизводстве общества, стимулирует функционирование соответствующих социальных институтов. Таким образом, нереализованный уровень социальной солидарности в обществе свидетельствует о кризисе общественных отношений, нарушении эффективности общественного воспроизводства.

Выраженность общественной инициативности в регионе выражена недостаточно. По мнению экспертного сообщества, в регионе преобладает средний уровень реализации социальной активности граждан.

Социальная активность граждан является индикатором распространенности социальной субъектности, ее форм, уровня и характера реализации в обществе. Стратегии социальной активности включают широкий спектр поведенческих практик: от активного участия в социальной жизни до социальной эксклюзии и отчуждения от социально значимых проблем общества. По мнению социологов, в условиях роста социального неравенства и территориальной гетерогенности, распространенной культуры недоверия к базовым социальным институтам социальная активность способна эволюционировать от созидательных и конструктивных форм до цивилизованного протеста и социального бунта. Неоднозначность оценок социальной активности в российском обществе отражает ситуацию амбивалентности. Можно сказать, что в обществе наблюдается аритмичность социальной активности, которая характеризуется периодами «то относительного затишья, то наката волн».

По мнению экспертов, среди населения региона преобладают настроения равнодушия и апатии. Каждый четвертый эксперт акцентировал данный факт. Каждый шестой эксперт был более оптимистичен. Примерно столько же экспертов были пессимистичны и оценили выраженность социальной пассивности граждан почти максимально. Сопоставляя данные самооценок населением своего социального настроения, следует отметить объективность взглядов экспертов в связи с сопоставимостью мнений самих граждан.

Большинство экспертов пессимистично оценили выраженность разнообразных негативных настроений, преобладающих в регионе. Более половины экспертов считают, что пессимизм, апатия, отсутствие веры в будущее почти максимально выражены в регионе. Данные оценки согласуются с мнением населения и свидетельствуют об объективности и системности депривационных процессов в крае.

Выраженность тревог и страхов идентична предыдущим результатам. Распространенность данных эмоций свидетельствует о низкой онтологической безопасности в регионе, что согласуется с мнением самого населения. Согласованность данных мнений также свидетельствует о системном кризисе в крае, наличии разнообразных социальных рисков и вызовов. Полученные нами региональные данные согласуются с результатами исследования ВЦИОМ. Согласно результатам всероссийского исследования, страх, связанный со снижением и потерей доходов, волнует более половины граждан (63%). Столько же граждан обеспокоено ростом социальной несправедливости. Данные страхи более характерны для людей зрелого и пожилого возраста. Одним из распространенных страхов явилось опасение лишиться бесплатной медицинской помощи. Примечательно, что для молодежи был характерен страх беспорядка в стране, проведение акций протеста (источник: Официальный сайт ВЦИОМ).

Качественный анализ мнений экспертов относительно понимания и значимости разнообразных факторов, обуславливающих уровень солидарности и гражданской активности, показал системность видения экспертов. Так, по их мнению, множество социальных факторов важны для данного феномена. Однако экспертов, признающих приоритет и важность благосостояния в формировании солидарности в обществе, оказалось в два раза больше, чем экспертов, признающих важность всех других индикаторов. Вклад уровня безопасности, развития культуры, экологии, экономического развития, веры в справедливость, чувство коллективизма обозначили значимым большинство экспертов.

Преобладающее число экспертов региона полагают, что население слабо вовлечено в деятельность НКО. Каждый пятый специалист был более оптимистичен и считает население более активным в плане деятельности НКО, однако не в достаточной степени. Таким образом, уровень развития в регионе гражданского общества имеет значимый нереализованный потенциал, что согласуется и с мнением самого населения. Качественный анализ ответов экспертов Алтайского края на вопрос о том, какие меры необходимо предпринять для повышения участия населения региона в деятельности общественных организаций, показал, что активность населения в общественной деятельности может стимулировать комплекс мероприятий, таких как агитация, широкая информационная освещенность лучших и эффективных социальных практик, обучение сотрудничеству, денежное вознаграждение и другие системные мероприятия разной направленности. Примечательно, что каждый десятый эксперт не смог назвать меры, необходимые для повышения эффективности общественной активности, проявляя определенную социальную пассивность.

Эксперты, как и население, не удовлетворены объективностью и независимостью СМИ. Большинство экспертов оценивает реализацию данных компонентов минимально. Однако каждый третий эксперт в совокупности оценивает эффективность и свободу СМИ более высоко, от 6 до 10 баллов включительно. Мнения экспертов относительно законности и независимости судов выявили полярные оценки. Так, уровень ниже среднего акцентировали в совокупности около 70% представителей экспертного сообщества. Каждый третий эксперт оценивает верховенство за-

конности в крае более оптимистично. В целом оценки законности судов экспертами более оптимистичны, нежели населения. Полученные результаты свидетельствуют о значительном дефиците доверия к институту судопроизводства в крае, что усиливает ощущение непредсказуемости и произвола, снижая онтологическую безопасность населения.

Экспертное сообщество полагает, что в крае в полной мере реализуются властные полномочия органов управления регионом. Каждый пятый эксперт оценил данное направление почти максимально. Примерно столько же представителей экспертов поставили менее оптимистичные оценки. Таким образом, по мнению экспертов, региональные власти эффективно реализуют свои властные полномочия.

Каждый второй эксперт полагает, что в крае не выражены процессы эксклюзии граждан в получении услуг и благ по национальному и конфессиональному признаку. В регионе мирно сосуществуют около 120 различных этносов. Результаты мониторингов оценки межнациональных отношений свидетельствуют о минимальной выраженности конфликтов между представителями разных этносов и религий в крае, в частности в области получения прав и свобод.

С другой стороны, более половины экспертов отметили наличие в крае серьезного материального расслоения и эксклюзии граждан в получении государственных услуг и благ в зависимости от уровня доходов. Высокий уровень социального расслоения в регионе препятствует формированию чувства справедливости и соответственно осложняет развитие социального доверия.

Каждый десятый эксперт оценил эффективность защиты прав собственности в крае минимально. Более оптимистичными в своих оценках оказались около половины представителей экспертного сообщества. Таким образом, потенциал защиты прав собственности явно не реализован полностью и требует повышения эффективности. Ощущение незащитности в данном контексте способствует росту опасностей и сопровождающих их тревог и страхов, что обратно пропорционально чувству социального институционального доверия.

Большинство экспертов полагают, что потенциал антикоррупционных мероприятий в регионе недостаточен, и оценили эффективность данного направления деятельности ниже среднего. Примерно каждый третий эксперт считает, что в крае антикоррупционная деятельность эффективна.

Пятая часть экспертов отметила присутствие равенства в области образовательных услуг в регионе. Однако половина специалистов оценила реализацию данного направления достаточно пессимистично и поставила минимальный уровень.

Доступность и качество медицинских услуг в регионе, по мнению экспертов, реализованы в недостаточной мере. Так, четверть экспертов оценили эффективность данного направления на 3 балла. Каждый третий эксперт оценил данный аспект еще более пессимистично. В средней степени оценили эффективность реализации медицинских услуг населению в крае около половины экспертов. Полученные данные согласуются с мнением населения края о недостаточной доступности высокотехнологичной медицинской помощи, что подтверждает объективность выявленных тенденций.

По оценкам экспертов, эффективность общественного контроля за деятельностью органов власти недостаточна. Около пятой части специалистов оптимистично отметили, что общественный контроль за решениями власти в регионе вполне развит.

Каждый второй эксперт считает, что права избирателей в крае обеспечены минимально. Треть специалистов считают выраженность данного аспекта в средней степени. Лишь каждый шестой представитель экспертного сообщества оптимистично оценивает эффективность защиты избирателей.

Относительно оценки контроля за соблюдением законов в регионе эксперты разделились на две равные группы, что является показателем амбивалентности данных позиций. Практически каждый второй эксперт считает выраженность данного контроля минимальной. Каждый шестой эксперт оценивает эффективность контроля на среднем уровне.

Эксперты оценивают безопасность граждан в регионе более оптимистично, чем само население. Каждый четвертый эксперт считает, что жизнь в регионе достаточно безопасна (мнение других экспертов равномерно распределилась по всем дифференцированным оценкам. Сопоставляя с удовлетворенностью жителей края своей безопасностью, можно выделить наличие противоречия между мнением экспертов и ощущениями населения региона. Это противоречие свидетельствует об отсутствии социального единства в данном контексте.

Согласно последним опросам ВЦИОМ, индикаторами снижения безопасности жизни в России являются страхи роста социального расслоения, снижение уровня доходов и страх потери бесплатной медицины.

Пятая часть экспертов оценивает выраженность полномочий органов местного самоуправления в регионе на минимальном уровне. С другой стороны, каждый четвертый эксперт оценивает полномочия органов местного самоуправления оптимистично.

Наибольшая часть экспертов оценивает получение социальных услуг населением на низком уровне. Пятая часть специалистов полагает, что подобные услуги реализуются в регионе достаточно успешно.

По мнению экспертов, в регионе не в полной мере реализуется учет общественного мнения при принятии решений органами власти. Относительно публичности власти мнения экспертов не согласованы, как и оценки самого населения. Данное рассогласование является индикатором недостаточной социальной солидарности в регионе.

Пятая часть экспертов оценивает выраженность возможности конфликтного потенциала в регионе в средней степени. Столько же экспертов считают выраженность потенциальных протестов в крае минимальной. Однако треть экспертов отмечают высокий уровень в регионе вероятности конфликтов и протестных акций. Протестный потенциал в крае является показателем дефицита доверия к основным институтам жизнеобеспечения. Результаты общероссийских исследований показывают, что страх беспорядков и акций протестов характерен для молодежи до 25 лет. Тревога населения более старшего возраста по данному поводу выражена незначительно (источник: официальный сайт ВЦИОМ).

Мнения экспертов относительно интеграционного потенциала граждан и их способности участвовать в управлении обществом в регионе достаточно противоречивы. Практически равные группы экспертов оценивают выраженность данного направления дифференцированно.

Заключение

Исследование позволило выявить амбивалентность оценок общественной и гражданской активности жителей российского региона, что подчеркивает наличие нереализованного потенциала в формировании гражданского общества.

Экспертное сообщество региона позитивно оценивает гражданскую активность населения, что противоречит самооценкам общественности. Данный феномен подчеркивает оторванность мнений представителей власти и народа.

Гражданскую солидарность большинство экспертов оценили как средней выраженности, что вселяет надежду на положительную динамику данного социально-го процесса в типичном российском регионе.

Экспертное сообщество констатирует наличие в регионе среднего уровня реализации социальной активности граждан, что является отражением позитивных процессов и распространенности социальной субъектности,

Пессимистичность оценок выраженности негативных настроений, преобладающих в регионе, свидетельствует о сниженных социально-экономических резервах жизнедеятельности и провоцирует пессимизм, апатию, отсутствие веры в будущее. Данные оценки согласуются с мнением населения и свидетельствуют об объективности и системности депривационных процессов в крае.

Распространенность негативных эмоций свидетельствует о низкой онтологической безопасности в регионе, осложняет проявления социальной субъектности и активности.

Население типичного российского региона слабо вовлечено в деятельность НКО. Таким образом, уровень развития в регионе гражданского общества имеет значительный нереализованный потенциал.

Экспертное сообщество полагает, что в крае в полной мере реализуются властные полномочия органов управления регионом, что является позитивной тенденцией, вселяющей надежду на рост в нем социальной солидарности и гражданского общества.

Выявляются региональные профили воспроизводства уровня доверия и моделей иррациональных форм поведения населения. Так, по данным мониторингов оценки социальных рисков в шести приграничных регионах России было выявлено, что снижение онтологической безопасности зависит от сочетания экономического, социального, психологического благополучия, а также определяется особенностями социальных практик адаптивного поведения населения регионов. Все это реализуется в особом этнокультурном контексте. В частности, в регионах Сибирского федерального округа преобладающим фактором воспроизводства иррациональных поведенческих практик является экономический фактор, характеризующийся бедностью, низким уровнем материального благосостояния, отсутствием или низким

уровнем надежды на изменение материальных перспектив. Таким образом, социальное благополучие, на наш взгляд, целесообразно рассматривать как предиктор в системе воспроизводства уровня социального доверия, роста опасностей и рисков в современном российском обществе.

Анализ субъективных оценок, разнообразных аспектов социального благополучия, социальной ответственности населения позволяет разрабатывать модели воспроизводства разных видов социальных рисков, являющихся, в свою очередь, индикаторами социального доверия в регионе. Низкий уровень социального доверия стимулирует девиантные и асоциальные процессы в контексте повседневных интеракций. Цинизм как норма общения, распространенная в постсоветском обществе, усталость от государственного вмешательства и всеобщее социальное разочарование постепенно разрушают сложившиеся доверительные паттерны и порождают повышенные индивидуальные страхи и опасения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России. Санкт-Петербург: Балтийский гос. техн. ун-т, 2008.

Баринов Д.Н. «Онтологическая безопасность» и ее границы в современном обществе. Социодинамика, 2017, No. 9, 75–89.

Бахтина М.А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности. Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований), 2011, 3 (3), 57–65.

Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007.

Белов А.В. Социальная ответственность: содержание и механизм реализации. Волгоград, 2011.

Бойцова О.Ю. Доверие к государству как теоретическая проблема. Власть, 2012, No. 4, 103–106.

Веселов Ю.В. Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества. М.: Аспект Пресс, 2011.

Викторов А.Ш. Введение в социологию безопасности. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проспект, 2005.

Гидденс Э. Последствия модерна. М.: Праксис, 2011.

Данкин Д. Культура доверия как важнейший ресурс безопасности. Безопасность Евразии, 2005, No. 4, 491–503.

Данкин Д. Опорный элемент архитектуры мира. О роли доверия в модели будущего миропорядка. Безопасность Евразии, 2006, No. 4, 91–107.

- Жбанков А. Доверие как фактор безопасности. *Власть*, 2010, No. 8, 19–21.
- Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции. *Вестник РУДН. Серия Социология*, 2003, 1 (4), 67–73.
- Иванов А.В., Данилов С.А. Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур: сравнительный анализ. *Фундаментальные исследования*, 2014, 11 (8), 1852–1859.
- Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI века: Культура-Сеть. М., 2003.
- Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала. *Социологические исследования*, 2009, No. 1, 43–54.
- Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей. *Полис*, 2007, No. 2, 8–17.
- Магомедов М.Г. Социальное доверие в российском обществе: социологический анализ. Ростов н/Д., 2009.
- Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Столяр В.Ю. Доверие как инструмент управления глобальным риском. *Известия Российского государственного педагогического университета*, 2007, 38 (79), 330–335.
- Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая). *Социологические исследования*, 2001, No. 2, 3–12.
- Штомпка П. Доверие: социологическая теория. *Социологическое обозрение*, 2002, 2 (3), 30–41.
- Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи. *Мир России*, 2003, No. 1, 3–35.
- Maximova S., Surtaeva O., Cherepanova M. Migration Policy as a Factor in Ensuring Social Security: Expert Opinion in Cross-border Regions of Russia. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019, 364, 737–741.

REFERENCES

- Baranov, N. A. (2008). *Evolyuciya sovremennoj demokratii: politicheskij opyt Rossii* [Evolution of modern democracy: the political experience of Russia]. Saint-Petersburg: Baltic State Technical University.
- Barinov, D. N. (2017). «Ontologicheskaya bezopasnost'» i ee granicy v sovremenном obshchestve. [Ontological security” and its borders in modern society]. *Sociodynamics*, no. 9, 75–89.
- Bakhtina, M. A. (2011). Doverie k gosudarstvu kak faktor povysheniya ego effektivnosti [Trust in the state as a factor of increasing its effectiveness]. *Journal of Institutional Studies* (Journal of institutional research), 3 (3), 57–65.
- Bek, U. (2007). *Vlast' i ee opponenty v epohu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya ekonomiya* [Power and its opponents in the era of globalism. New world-political economy]. Moscow: Progress-Tradition.

- Belov A.V. (2011). *Social'naya otvetstvennost': sodержanie i mekhanizm realizacii* [Social responsibility: content and implementation mechanism]. Volgograd.
- Boicova, O.Yu. (2012). *Doverie k gosudarstvu kak teoreticheskaya problema* [Trust in the state as a theoretical problem]. *Power*, no. 4, 103–106.
- Veselov, Yu. V. (2011). *Doverie i spravedlivost': Moral'nye osnovaniya sovremennogo ekonomicheskogo obshchestva* [Trust and justice: the moral foundations of modern economic society]. Moscow: Aspect Press.
- Viktorov, A.Sh. (2008). *Vvedenie v sociologiyu bezopasnosti* [Introduction to the sociology of security]. Moscow: «Canon+» ROOI «Rehabilitation».
- Giddens, A. (2005). *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii* [Organization of society: an essay on structuration theory]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskij Prospekt.
- Giddens, A. (2011). *Posledstviya moderna* [Consequences of modernity]. M.: Praxis.
- Dunkin, D. (2005). Kul'tura doveriya kak vazhnejshij resurs bezopasnosti [Culture of trust as the most important security resource]. *Security of Eurasia*, no. 4, 491–503.
- Dunkin, D. (2006). Opornyj element arhitektury mira. O roli doveriya v modeli budushchego miroporyadka [A reference element of the world architecture. On the role of trust in the model of the future world order]. *Security of Eurasia*, no. 4, 91–107.
- Zhbankov, A. (2010). Doverie kak faktor bezopasnosti [Trust as a security factor]. *Vlast*, no. 8, 19–21.
- Zabolotnaya, G.M. (2003). Fenomen doveriya i ego social'nye funkcii [The phenomenon of trust and its social functions]. *Bulletin of the RUDN. Sociology Series*, 1 (4), 67–73.
- Ivanov, A.V., Danilov, S.A. (2014). Social'noe doverie i institucional'nyj poryadok obshchestva v sociokul'turnom kontekste zapadnyh i vostochnyh kul'tur: sravnitel'nyj analiz [Social trust and the institutional order of society in the socio-cultural context of Western and Eastern cultures: comparative analysis]. *Fundamental research*, 11 (8), 1852–1859.
- Kuznetsov, V.N. (2003). *Geokul'tura: Osnovy geokul'turnoj dinamiki bezopasnosti v mire XXI veka* [Geoculture: Fundamentals of geocultural dynamics of security in the world of the XXI century: Culture-Network]. Moscow.
- Kozyreva, P.M. (2009). Mezhlichnostnoe doverie v kontekste formirovaniya social'nogo kapitala [Interpersonal trust in the context of social capital formation]. *Sociological studies*, no. 1, 43–54.
- Kuzmin, A.S., Nechayev, V.D., Alekseenkova E.S. (2007). Doverie i prostranstvennoe vzaimodejstvie social'nyh setej [The Trust and spatial interaction of social nets]. *Polis*, no. 2, 8–17.
- Magomedov, M.G. (2009). *Social'noe doverie v rossijskom obshchestve: sociologicheskij analiz* [Social trust in Russian society: sociological analysis]. Rostov on Don.
- Maximova, S., Surtaeva, O., Cherepanova, M. (2019). Migration Policy as a Factor in Ensuring Social Security: Expert Opinion in Cross-border Regions of Russia. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 364, 737–741.
- Seligman, A. (2002). *Problema doveriya* [The problem of trust]. Moscow: Idea-Press.

Stolyar, V.Yu. (2007). Doverie kak instrument upravleniya global'nym riskom [Trust as a tool for managing global risk]. *Proceedings of the Russian state pedagogical University*, 38 (79), 330–335.

Shtompka, P. (2001). Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve (stat'ya vtoraya) [Cultural trauma in post-Communist society (article two)]. *Sociological studies*, no. 2, 3–12.

Shtompka, P. (2003). Doverie: sociologicheskaya teoriya [Trust: sociological theory]. *Sociological review*, 2 (3), 30–41.

Yanitsky, O. N. (2003). Sociologiya riska: klyuchevye idei [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii*, no. 1, 3–33.